

Zeph = Zeus, утвержая себя, что Zeph означает жизнь¹⁾). Появление Варлаама въ неаполитанскихъ ученыхъ кружкахъ подняло, если не вызвало этотъ интересъ къ занятію языкомъ, который обѣщалъ наконецъ раскрыть заповѣдную книгу за семью печатями: греческую древность. Петрарку къ ней манили откровенія Платона, Боккаччо, продолжавшаго работать надъ Генеалогіями, должны были интересовать гомеровскія поэмы, древнѣйший источникъ эллинского богословія. Серьезнымъ отношеніемъ къ своей задачѣ объясняется его рѣшимость снова отдаваться изученію греческаго языка. Петрарка пытался обучиться ему у Варлаама; еще въ 1354 году онъ жалуется, что Сигеръ не съ нимъ: онъ ввелъ бы его въ пониманіе Гомера²⁾ — и онъ благословляетъ Боккаччо на занятія съ Леонтиемъ Пилатомъ, новѣйшимъ изъ современниковъ, названныхъ въ Генеалогіяхъ.

III.

Боккаччо познакомился съ нимъ въ 1359 году во время своей миланской поѣздки къ Петраркѣ; Леонтий пробирался изъ Греціи въ Авиньонъ³⁾ — искать удачи; въ то время это былъ дѣловoy центръ, гдѣ могли находить себѣ сбыть такіе искатели приключений, какъ неизвѣстный калабріецъ, котораго Боккаччо называетъ порой солунцемъ⁴⁾; потому ли только, что Леонтий находилъ выгоднымъ заявляться то грекомъ, то итальянцемъ, какъ утверждалъ Петрарка? Но Леонтий говорилъ о себѣ также какъ объ ученикѣ калабрійца Варлаама⁵⁾; не могъ ли онъ быть его слушателемъ въ Солуни?

1) II, 2; IV, 61.

2) Fam. XVIII, 2.

3) Gen. Deor. XV, 7.

4) I. c. XV, 6: *thessalonicensem*; VII, 41: *Thessalus*. О частомъ смѣшении Thessalonica и Thessalia с. Harder, *De Iohannis Tzetzae Histor. Fontibus* (Kiliae 1886), стр. 16.

5) Gen. Deor. XIV, 8; XV, 6; IV, 46.

Его путь лежалъ на Падую, гдѣ Петрарка могъ увидѣть его зимой 1358 года; по крайней мѣрѣ въ письмѣ къ Боккаччо отъ 18-го августа 1360 года¹⁾ онъ говорить, что познакомилъ его съ нимъ какой-то падуанскій пріятель. Старое, платоническое увлеченіе эллинизмомъ проснулось въ Петраркѣ при видѣ ученаго грека, обладавшаго къ тому-же и нѣкоторымъ знаніемъ латинскаго языка; очевидно, по его просьбѣ Леонтій перевелъ нѣсколько пѣсенъ Иліады; на этотъ-то первый опытъ перевода Петрарка указываетъ въ письмахъ къ Боккаччо²⁾, къ Гомеру³⁾ обѣщаетъ прислатъ его Заноби да Страда⁴⁾, имъ онъ пользуется въ примѣчаніяхъ къ полному переводу гомерическихъ поэмъ, за который, по почину Боккаччо, возмется впослѣдствіи Леонтій⁵⁾.

О Леонтіѣ Боккаччо узналъ отъ Петрарки; возможность познакомиться съ Гомеромъ, вновь приняться за греческія штудіи, обогатить свои свѣдѣнія по греческой древности и миѳу — все это восхитило его, и онъ рѣшительно взялся за дѣло. Неизвѣстно, гдѣ именно онъ сблизился съ Леонтіемъ, въ письмахъ Петрарки къ Боккаччо отъ 1359 года, написанныхъ послѣ миланскаго свиданія, о томъ ничего не говорится. Какъ бы-то ни было, но Боккаччо увлекъ его за собой: Леонтій будетъ жить у него, заниматься съ нимъ, вѣроятно за плату; замѣтимъ, что самъ Боккаччо не обеспеченъ, что жалобы на отсутствіе безбѣднаго ученаго приволья не покидаютъ его; на этотъ разъ ихъ не слышно за восторженныемъ интересомъ въ наукѣ и сознаніемъ совершаемаго подвига. «Часто привожу я Леонтія Пилата, со-лунца, и, какъ онъ утверждаетъ, слушателя упомянутаго Варлаама, говоритъ онъ въ біографическо-литературномъ эпизодѣ

1) Var. 25.

2) Var. 25.

3) Fam. XXIV, 12.

4) Var. 2.

5) De Nolhac, Petrarche et l'humanisme, стр. 332, 340, 342, 853—855.

Генеалогії¹⁾). Человѣкъ онъ съ виду страшный²⁾, некрасивый лицомъ³⁾, съ длинной бородой и черными волосами; всегда погруженный въ свои мысли⁴⁾, неотесанный и непривѣтливый⁵⁾, но, какъ показалъ опытъ, въ греческой литературѣ ученѣйшій, неисчерпанный архивъ⁶⁾ греческихъ сказаний и басенъ; латинскими онъ еще мало обученъ. Никакого его труда я не знаю, привожу лишь то, что узналъ отъ него лично, ибо въ теченіи почти трехъ лѣтъ⁷⁾ я слышалъ его толкованія Гомера⁸⁾ и дружескія бесѣды⁹⁾, такъ что, при другихъ заботахъ¹⁰⁾, никакая память не удержала бы его безчисленныхъ разсказовъ, еслибы я не записывалъ ихъ въ тетрадяхъ¹¹⁾. И въ другомъ мѣстѣ¹²⁾, отвѣчая хулителямъ, глумившимся надъ его слабостью къ греческимъ цитатамъ, онъ отвѣчаетъ, что это—его право. «Не я ли моими советами удержалъ Леонтия Пилата отъ долгаго пути въ западный Вавилонъ (Авиньонъ)—на моей скромной родинѣ¹³⁾? Не я ли пріютилъ его въ собственномъ домѣ, долго держалъ его гостемъ и много старанія положилъ на принятіе его въ число профессоровъ Флорентинского университета¹⁴⁾ съ платой изъ общественныхъ средствъ¹⁵⁾? Я первый на мое собственное иждивеніе вернулся въ Этрурію творенія Гомера и другихъ грековъ, удалившіхся много вѣковъ тому назадъ безъ надежды на возвра-

1) XV, 6.

2) Horridus.

3) Turpi facie.

4) Meditatione occupatus continua.

5) Moribus incultus nec satis urbanus homo.

6) Arcivum.

7) Fere tribus annis.

8) Eum legentem Homerum.

9) Mecum singulari amicitia conversantem.

10) Vergente etiam alia cura animam.

11) Cedula.

12) XV, 7.

13) In patria tenui.

14) Ut inter doctores florentini studii susciperetur.

15) Ex publico mercede apposita.

щеніе; и не въ Этрурію только, но и на родину (то-есть, во Флоренцію). Первый изъ латинянъ я частнымъ образомъ слушалъ у Леонтия Пилата Иліаду, устроилъ публичныя чтенія Гомеровыи книги, и хотя не достаточно понималъ, уразумѣль на сколько могъ, и не сомнѣваюсь, усвоилъ бы и полнѣе, еслибъ тотъ непосѣда¹⁾ дольше остался среди насъ. Но какъ-бы мало я ни научился изъ многаго, кое-что уразумѣль изъ повторенныхъ наставлений²⁾ учителя и внесъ въ свой трудъ, гдѣ показалось нужнымъ».

«Вернуть въ Этрурію творенія Гомера» не указываетъ ли на ихъ латинскій переводъ, сдѣланный для Боккаччо Леонтиемъ Пилатомъ? «Древніе греки» пришлись къ слову, хотя намѣренія были широкія: хотѣли перевести и другихъ, между прочимъ Платона, творенія котораго, собранныя въ большомъ томѣ, Боккаччо видѣлъ у своего достопочтенѣйшаго учителя Петrarки³⁾. Если такъ, то переводъ Гомера исполненъ былъ на средства Боккаччо, онъ не преминулъ бы вспомнить съ обычной похвалой и Петrarку, еслибы тотъ участвовалъ въ расходахъ; но упоминаній нѣтъ, а между тѣмъ въ письмѣ отъ 1374 года къ папскому секретарю Лукѣ дэlla Пенна Петrarка⁴⁾ говорить о Гомерѣ, «переведенномъ на латинскій языкъ моимъ попеченіемъ и иждивеніемъ и нынѣ охотно пребывающемъ у меня среди латинянъ». Едва ли Петrarка имѣлъ въ виду лишь расходы по перепискѣ своего экземпляра Гомера, какъ съ другой стороны трудно вычитать изъ приведенного выше показалія Боккаччо, что ему принадлежитъ лишь пріобрѣтеніе (возвращеніе «въ Этрурію») греческаго текста Гомера, что оставило-бы за Петrarкой траты по переводу⁵⁾.

1) *Hommo ille vagus.*

2) *Demonstratione crebra.*

3) *Com. I, 370.*

4) *Sen. XVI, 1.*

5) *De Nolhac, l. c. стр. 344—345.*

Петрарка отнесся къ предпріятію съ видвымъ увлеченіемъ. Изъ его письма отъ 18-го августа 1360-го года, единственного, въ которомъ онъ высказался передъ Боккаччо относительно своего миланскаго пребыванія¹⁾, оказывается, что дѣло уже было въ ходу, но встрѣчались и препятствія. Ты просишь ссудить тебѣ, если только я его пріобрѣгъ, тогдъ списокъ Гомера, чтд продавался въ Падуѣ, пишетъ Петрарка, дабы нашъ Леонтий могъ перевести его съ греческаго на латинскій языкъ на пользу твою и всѣхъ нашихъ занимающихся²⁾ согражданъ. Я видѣлъ этотъ списокъ, но оставилъ его, ибо онъ показался мнѣ гораздо неисправнѣе моего собственнаго, давно хранящагося въ моей библіотекѣ; впрочемъ его нѣтрудно будетъ пріобрѣсти при помощи того самаго лица, которое доставило мнѣ знакомство съ Леонтиемъ; оба мы напишемъ ему, горячо побуждая къ желанному труду. Еслибы тогдъ списокъ ускользнулъ отъ насъ, чтд невѣроятно, мой къ вашимъ услугамъ, ибо я всегда жаждалъ того перевода, жаждалъ научиться греческому языку, и еслибъ не моя судьба и ранняя смерть моего достойнаго учителя (Варлаама), я быль бы теперь кое-чѣмъ болѣшимъ, чѣмъ начинающимъ. И такъ, разсчитываите на меня въ этомъ предпріятіи и будьтеувѣрены въ моей дѣятельной помощи. Если утраченъ древній латинскій переводъ Гомера, принадлежавшій, быть можетъ, Цицерону, то пусть хотя бы трудъ чужеземцевъ восполнитъ утраченное по нашей небрежности, и да улыбнутся вамъ музы и поспѣшествуетъ Аполлонъ. Что касается до меня, то ни изъ Серики, ни изъ Аравіи, ни отъ Еритрейскаго моря не придетъ товара, шегх, который быль бы мнѣ милѣ этого.—Петрарка пользуется случаемъ, чтобы защитить употребленіе слова шегх въ прямомъ падежѣ, но далѣе грамматика забыта, и слѣдующій совѣтъ переводчику ставить ему эстетическія требованія. Вы говорите, что переводъ будетъ дословный, пишетъ онъ Боккаччо; прислушайтесь, что

1) Var. 25. Сл. выше стр. 196—7.

2) Studiosi.

говорить Иеронимъ въ предисловіи къ своему переводу *De temporibus* Евсевія Кесарійскаго: тотъ, кто утверждаетъ, что красоты подлинника не утрачиваются въ переводе, пусть попытается передать Гомера на латинскомъ языкѣ, переводя слово въ слово, и онъ увидитъ, что выйдетъ нѣчто достойное смѣха, и краснорѣчивѣйшій изъ поэтовъ окажется косноязычнымъ. Вотъ что я хотѣлъ тебѣ напомнить, дабы трудъ оказался не напраснымъ. Впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете, я такъ лакомъ до подобнаго рода благородныхъ яствъ, что уподобляюсь голодному, которому все равно, какъ поваръ приготовить кушанье; я жажду духовной пищи, какова бы она ни оказалась. И въ самомъ дѣлѣ: хотя начальные стихи Гомера, когда-то переведенные для меня Леонтиемъ латинскою прозой (имѣется въ виду первый опытъ перевода, сдѣянный для Петrarки) и оправдываютъ мнѣніе Иеронима, тѣмъ не менѣе переводъ нравится, въ немъ есть какая-то своя особая красота¹⁾, и я не прочь уподобить его кушанью, назначенному явиться въ видѣ студня, но связь не удалась, нѣть формы, хотя есть и вкусъ и ароматъ. И такъ, да благопріятствуетъ небо благому начинанію, да возстановится утраченный для насъ Гомеръ; заботу о другихъ (писателяхъ) предоставимъ Богу. Вы просите также прислать томъ Платона, который мнѣ удалось спасти изъ погрома моей трансальпинской виллы; хвалю ваше рвеніе, вы получите книгу въ свое время, за моей помощью столь благородное дѣло не станетъ; но смотрите, хорошо ли соединять двухъ великихъ вождей греческой мудрости и будетъ ли по силамъ поднять ихъ одновременно? Помѣряйтесь, въ добрый часъ, съ однимъ изъ нихъ и начните съ того, кто писалъ за нѣсколько столѣтій впередъ.

Вскорѣ послѣ того Петrarка получилъ свѣдѣнія о новомъ переводе съ пространнымъ посланіемъ отъ имени Гомера, въ

1) *Et profecto quoddam breve, ubi Homeri principium Leo idem latinis verbis olim mihi quasi totius operis gustum obtulit, etsi Hieronymi sententiam faveat, placet tamen; habet enim et suam delectationem abditam.*

которомъ великий поэтъ представлялся сътущимъ на свою судьбу и ставилъ себя подъ защиту Петрарки. По нашему мнѣнію, посланіе могло быть написано самимъ Боккаччо; мы знаемъ лишь отвѣтъ Петрарки отъ 9-го октября 1360-го года¹). Давно я сбирался писать тебѣ, обращается онъ къ Гомеру, но мѣшало незнаніе твоего языка, а твои старые переводы на латинскій потеряны по нерадѣнію потомковъ. Но вотъ въ наши дни явился нѣкто, кто вновь подарилъ тебя нашей рѣчи. Твоя Пенелопа не ждала такъ страстно Улисса, какъ я твоего появленія; я уже потерялъ надежду, ибо ничего твоего не видѣлъ по латыни, кроме нѣсколькихъ начальныхъ стиховъ (указаніе на первый обращикъ Леонтиевскаго перевода), по которымъ воображалъ тебя, какъ издали представляютъ себѣ образъ друга по кончикамъ волосъ и неясному, быстрому движенью зрачковъ подъ бровями. Книжица, ходящая подъ твоимъ именемъ, хотя и извлеченнная изъ тебя, тебѣ очевидно не принадлежитъ²); а тотъ человѣкъ сулитъ перевести тебя цѣликомъ, если хватитъ у него жизни, и начало перевода позволяетъ намъ насладиться не только благороднымъ содержаніемъ твоихъ божественныхъ твореній, но ихъ красотами и ароматомъ стиля. Теперь я понимаю, что сила великаго таланта сказывается въ какой бы то ни было формѣ. Помню, я писалъ, слѣдя мнѣнію нѣкоего Иеронима, почитаемаго между нами за свое знаніе языковъ, что если не только перевести тебя дословно по латыни, но и переложить въ греческую прозу, ты покажешься не краснорѣчивѣйшимъ, а грубымъ писателемъ; теперь, къ моему удивленію, я нахожу тебя прекраснымъ и въ латинской прозѣ. И вотъ пишу тебѣ, не какъ къ Виргилю, въ его же метрахъ³), а прозой, въ стилѣ тебѣ, быть можетъ, несвойственному, мнѣ обычномъ—въ стилѣ полученнаго мною письма.—Съ содержаніемъ послѣдняго мы знакомимся изъ отвѣтнаго посланія Петрарки: онъ

1) Fam. XXIV, 12.

2) Разумѣется такъ называемый Pindarus Thebanus; сл. еще Fam. X, 4.

3) Сл. посланіе къ Виргилю Fam. XXIV, 11.

благодарить Гомера за свѣдѣнія о его, дотолѣ неизвѣстныхъ ему наставникахъ, о происхожденіи поэзіи и первыхъ служителяхъ музъ, въ числѣ которыхъ упоминался Кадмъ, сынъ Агенора и Геркулесъ; Алкидъ или нѣтъ? спрашиваетъ Петрарка¹⁾. Его интересуютъ ученыя путешествія Гомера, ему пріятно узнать настояще число его книгъ, большая часть которыхъ оставалась неизвѣстной итальянцамъ; многіе его труды утрачены, къ стыду грековъ, мнящихъ себя во всемъ выше латинянъ: въ нерадѣніи они дѣйствительно ихъ побѣдили. Гомеръ жаловался на своихъ подражателей, на Виргилія; подражателей тебѣ бояться нечего; вотъ я, человѣкъ незначущій, а радуюсь, когда кто идетъ за мной слѣдомъ, и счастливъ, если онъ опередитъ меня. А ты всегда будешь первымъ; правда, иные колеблятся между тобой и Виргиліемъ; я упомянулъ о томъ не потому, чтобы склонялся къ тому или другому мнѣнію, а чтобы показать тебѣ, какъ различно судили о тебѣ потомки. Виргилія, на котораго ты такъ сѣтуешь, я хочу защитить: ты обвиняешь его въ томъ, что, украсившись твоими доспѣхами, онъ никогда не упомянулъ твоего имени. Но онъ называлъ тебя въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, назвалъ бы и въ лучшей, послѣдней части своей божественной поэмы, еслибъ до нея дожилъ. Онъ слишкомъ былъ порядоченъ, скроменъ и нравственъ, чтобы не сдѣлать того; а еслибъ и оставались какія въ томъ сомнѣнія, слѣдуетъ всегда предполагать лучшее. Ты сѣтуешь на людей, которые, обобравъ тебя, осыпаютъ тебя хулою, на юристовъ и медиковъ, которые не держать тебя въ чести, какъ то дѣлали встарь ихъ предшественники. Но порицаніе такихъ людей тебѣ въ похвалу; тѣ же изъ современниковъ, у которыхъ есть въ груди хотя-бы искра древней доблести, почитаютъ тебя не только священнымъ философомъ, но и величайшимъ изо всѣхъ, ибо изящная красоты философіи ты умѣешь скрыть подъ тончайшимъ покровомъ (поэ-

1) Сл. Gen. Deor. VII, 82: о Геркулесѣ, сынѣ Нила, изобрѣтшемъ, по Теодонцію, письмена для фригійцевъ.

зія). Еще есть у тебя одна жалоба, но я чуть не принялъ ее въ шутку; или человѣку съ испорченнымъ желудкомъ все кажется горькимъ и ты не радуешься, а плачешь, что нашъ пріятель, котораго ты считаешь явившимся възъ Фессаліи¹), я выходцемъ изъ Византіи, побуждаетъ тебя, незнакомаго, или, какъ ты говоришь, скитальца и изгнанника, вступить въ стѣны моей цвѣтущей родины (Флоренціи)? Знай и будь увѣренъ, что дѣлается онъ это изъ любви и живѣйшаго уваженія къ тебѣ, почему такъ и дорожать имъ всѣ твои, хотя и немногочисленные, почитатели. И такъ, ты видишь, что несправедливо сѣтуешь на того, которому мы, преданные тебѣ поклонники, считаемъ долгомъ принести отъ своего и твоего имени величайшую благодарность, ибо если небо будетъ благопріятствовать ему, онъ намѣренъ возвратить тебя италійскимъ музамъ и намъ, тщетно тебя ожидавшимъ. Не дивись, что въ долинѣ Фьезоле и на берегахъ Арно обрѣтаются всего трое людей, тебѣ преданныхъ и пріязненныхъ, этого не мало, а много, больше, чѣмъ можно было ожидать въ городѣ (Флоренціи), преданномъ торговлѣ и наживѣ. Найдется, пожалуй и четвертый; я могъ бы присоединить и пятаго, вѣнчаннаго дельфійской или алфеевой вѣтвью, но его, не знаю какъ, похитилъ у насъ западный Вавилонъ. Если тебѣ мало кажется пяти человѣкъ, одновременно живущихъ въ одной городской чертѣ, то посмотри, сколько ихъ въ другихъ городахъ: въ Болонѣ, хотя и именитомъ пристанищѣ наукъ, всего одинъ²), двое въ Веронѣ, одинъ въ Сульмонѣ, одинъ въ Мантубѣ, но онъ покинулъ твои знамена для Птолемея; въ Римѣ, главѣ міра, не находится, къ удивленію, ни одного; былъ одинъ въ Перуджіи, много обѣщавшій, но, бросивъ заботу о себѣ и о Парнасѣ, онъ оставилъ за

1) Сл. *Thessalus* у Боккаччо = *Thessalonicensis*.

2) Загадочны слова, обращенные къ Гомеру: *tua illa Bolonia, qua suspiras* (по которой ты вздыхаешь?).... *unum habet*. Если перевести *qua suspiras*: на которую ты жалуешься (Fracassetti), то имѣются, быть можетъ, въ виду болонскіе юристы, хулители Гомера.

собой Апеннины и Альпы, и состарылся, скитаясь по Испаніи, пытаясь первои заработать богатства. Были и другіе по другимъ городамъ, которыхъ я зналъ, но ихъ уже нѣть.

И такъ пойми, куда я веду рѣчъ: не жалуйся болѣе на пріятеля, приведшаго тебя въ городъ, гдѣ у тебя столько почитателей, какъ ни въ какомъ другомъ. Развѣ ты не знаешь, какъ они стали рѣдки на свѣтѣ? Я полагаю, что во всей Греціи, кромѣ нашего пріятеля (Леонтия), никого не найдется. Былъ еще одинъ, когда-то мой учитель (Варлаамъ), который раскрылъ мнѣ сердце для сладостной надежды, но онъ умеръ въ началѣ моихъ занятій, да и ранѣе того покинулъ меня, когда, болѣе заботясь о немъ, чѣмъ о самомъ себѣ, я старался доставить ему епископство.

Не гнушайся-же малочисленностью твоихъ поклонниковъ; ихъ всегда было мало, теперь и того меньше, а въ будущемъ, думается мнѣ, пе будетъ никого, кто-бы держаль въ чести и цѣнилъ почтенныя занятія. Останься въ обществѣ этихъ людей, на берегахъ Арно, среди нашихъ смирующихъ холмовъ, гдѣ цвѣтуть таланты и свили гнѣзда благозвучныя филомелы; ихъ не много на самомъ мѣстѣ, но поведи глазами вокругъ и вблизи, ихъ наберется и много; а за ними толпа чесальщиковъ, ткачей, кузнецовъ, не говоря объ обманщикахъ, мытаряхъ, ворахъ всякаго рода и грязномъ ремесленномъ сорѣ. Твое имя и произведенія да останутся имъ неизвѣстными!

О себѣ, послѣднемъ по дарованію и времени, говорю подъ конецъ, такъ какъ ты удостоилъ попросить моей помощи. О еслибъ я могъ помочь столь великому мужу! Но клянусь истиннымъ Богомъ, котораго ты не зналъ, что я въ состояніи лишь соболѣзвовать тебѣ, подать совѣты. Да и что можетъ сдѣлать для другого человѣкъ, который вичего не состояніи сдѣлать для себя? Самъ ты и твои послѣдователи были предметомъ зависти и посмѣяній; если такъ было съ тобой въ твоихъ ученѣшихъ Аениахъ, то что будетъ съ другими въ нашихъ распутныхъ городахъ? Я самъ изъ числа тѣхъ, которыхъ зависть, не знаю почему, избрала своею мишенью; а ты ищешь защиты подъ моимъ

покровомъ! Ты, для котораго роскошнѣйшій дворецъ быль бы недостойнымъ пребываніемъ, еслибъ талантъ давалъ почести, какъ судьба раздаєтъ свои дары! Но слѣпой, надменный рокъ распоряжается нами, великие умы избѣгаютъ золотыхъ палатъ, гдѣ юится невѣжество, и предпочитаютъ бѣдное пристанище, гдѣ обитають трудъ и наука. Что касается до меня, то хотя я и не достоенъ принять столь великаго гостя, я давно уже пріютилъ тебя, грека, и надѣюсь вскорѣ получить тебя латиняниномъ, если тотъ, кого ты зовешь еессалійцемъ, я полагаю византійцемъ, приведетъ свой трудъ къ благополучному концу. Но болѣе вѣрный пріютъ я готовлю тебѣ въ душѣ; моя любовь къ тебѣ свѣтлая и жарче солнца, никто болѣе меня не благоговѣеть передъ тобой. То, что было въ моихъ силахъ, я для тебя сдѣлалъ, отецъ мой; уберечь тебя отъ насмѣшекъ невѣжественной толпы не могу ви я, и никто, кромѣ Бога.

Многое наговорилъ я тебѣ, точно самъ ты быль со мною; но пора умѣрить фантазію, письмо вышло длинное, какъ пространно было и твое. Прощай, поклонись отъ меня Орфею, Лину, Еврипиду и всѣмъ твоимъ товарищамъ.

Орфей, Линъ, Еврипидъ въ товарищахъ Гомеру — таковы фантастическая представлени¤ гуманистовъ, вышедшихъ на открытие новаго для нихъ міра греческой древности. Они его не знаютъ, тѣмъ восторженіе ихъ ожиданія; они снимутъ съ него завѣсу, и Гомеръ снова вернется къ италійскимъ музамъ. Ихъ немногого, людей, въ которыхъ еще тлѣть искра древней доблести; гуманизмъ аристократиченъ: за немногими тотчасъ-же начинается ремесленная толпа. Петрарка перечисляетъ людей, интересовавшихся въ его время греческимъ языккомъ и литературой, но нѣкоторые изъ его указаній неопределены¹⁾, и мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, на сколько интересъ отвѣчалъ приблизительному значенію. Въ числѣ флорентійскихъ эллинистовъ разумѣется, несомнѣнно, Боккаччо и, вѣроятно, монахъ Тедальдо деля Каза,

1) Сл. Fracassetti, Lettere, т. V, стр. 197.

учившійся вмѣстѣ съ нимъ у Леонтія Пилата¹⁾; подъ лауреатомъ, похищеннымъ западнымъ Вавилономъ, т. е. Авиньономъ, скрывается Заноби да Страда; для Болоньи можно предположить Пьетро дель Мульо, для Вероны предположили Гвильельмо да Пастренго и Ринальдо да Валлафранка, для Мантуи нѣкоего Андрея, одного изъ корреспондентовъ Петрарки. Все это были любители, начинаящіе и чающіе, наконецъ учащіеся; всѣ ждали откровеній отъ фессалійца Леонтія Пилата.

Боккаччо былъ у Петрарки въ Миланѣ въ началѣ 1359-го года: вскорѣ послѣ того Леонтій могъ приняться за свой трудъ; къ ноябрю 1361-го года, когда Боккаччо собрался въ Неаполь, конченъ былъ переводъ *Иліады* и *Одиссеи*, что приблизительно отвѣчаетъ показанію Боккаччо, что Леонтій пробылъ у него около трехъ лѣтъ. Очевидно, этотъ непосѣда оставилъ его ранѣе его отѣзда, иначе непонятенъ былъ бы ни этотъ упрекъ, ни то отрицательное настроеніе Боккаччо, которое сквозитъ въ письмахъ Петрарки. Куда послѣ того дѣлался Леонтій, мы не знаемъ; онъ могъ быть у Петрарки въ Венеціи ранѣе, чѣмъ лѣтомъ 1363-го года видѣлся тамъ съ Боккаччо; Петрарка жилъ въ Венеції съ сентября 1362-го года²⁾; его письма доскажутъ намъ судьбу Леонтія и гомеровскаго перевода.

Петrarка разгадалъ Леонтія, очевидно, послѣ продолжительнаго съ нимъ общенія; его характеристика подтверждаетъ портретъ угрюмаго, непокладистаго солунца у Боккаччо, но она ярче, жизненнѣе; забыты реторическая похвалы «другу Гомера», единственному, понимающему его изъ современныхъ грековъ. Серьезнаго у меня ничего нѣтъ, а хочется поговорить съ тобою, пишетъ Петрарка Боккаччо 1-го марта 1364-го года³⁾; разскажу, что изъ недавняго времени подсказываетъ мнѣ память.

1) Mehus, *Vita Ambr. Camald.* стр. 284.

2) Съ прим. Fracassetti къ Var. XLIII.

3) Sen. III, 6; сл. Fracassetti, *Lettere v. IV*, p. 98.

Нашъ Леонтій, на самомъ дѣлѣ калабріецъ¹⁾), — хотя выдаеть себя за солунца, потому-ли, что греческое происхожденіе считаеть благороднѣе итальянскаго, или, какъ мнѣ кажется, потому, что ему нравится являться иностранцемъ, грекомъ между нами, итальянцемъ между греками; и такъ воть этотъ Леонтій, откуда бы онъ къ намъ ни явился, оказался большими дурнемъ и послѣ твоего отъѣзда самъ захотѣлъ уѣхать, болѣе глухой къ моимъ просьбамъ и убѣжденіямъ, чѣмъ тѣ утесы, гдѣ онъ снова хочетъ засѣсть. Ты знаешь насъ обоихъ, но не можешь себѣ представить, что больше: его ли природная ипохондрия, или моя веселость; а такъ какъ душевные недуги заразительнѣе тѣлесныхъ, и я опасался, какъ бы постоянное общеніе съ нимъ не сказалось и на мнѣ, я отпустилъ его, тѣмъ болѣе, что удержать его можно было не лаской и не просьбами, а развѣ какими нибудь цѣпями; далъ ему на дорогу Теренція, его комедіи очень ему нравятся, я и самъ дивлюсь: что можетъ быть общаго между этимъ грекомъ-ворчуномъ и тѣмъ веселымъ африканцемъ? Такъ онъ и уѣхалъ въ концѣ лѣта. Часто говорилъ онъ мнѣ массу мерзостей по адресу Италии и итальянцевъ; должно быть, онъ еще не доѣхалъ, какъ я получилъ отъ него письмо, болѣе длинное и безобразное, чѣмъ его борода и волосы, въ которомъ онъ величаетъ до небесъ столь ненавистную ему Италію, а Грецію и Византію, которыхъ прежде такъ превозносили, хулить и порицаеть; при этомъ просить меня вызвать его къ себѣ, и такъ заклинаетъ и страстно молитъ, какъ не молилъ ап. Петръ Христа, повелѣвающаго водами. Мнѣ это смѣшно, и я удивляюсь столь быстрой измѣнчивости рѣшеній; или лучше не удивляюсь, ибо знаю, что нѣтъ въ мірѣ ничего измѣнчивѣе души, которая не пустила корней въ добродѣтели и мудрости. Тамъ, гдѣ этихъ корней нѣть, наука и знаніе не только не приносятъ пользы, но и положительно вредны, ибо они дѣ-

---

1) Sen. XI, 9: въ наши дни были въ Калабріи люди ученѣйше въ греческомъ языке, особенно монахъ Варлаамъ и Леонъ или Леонтій; с. выше письмо къ Гомеру.

лаютъ человѣка отважнымъ, указываютъ мѣста и пути, даютъ средства, горячать фантазію и, возбуждая живѣйшее желаніе видѣть многое, не только не обуздываютъ духъ, отъ природы непостоянныи, но и подталкиваютъ и увлекаютъ. Ни на комъ не оказалось это такъ явственно, какъ на нашемъ Леонтиѣ. Мармарійскій левъ въ лихорадкѣ не мечется такъ беспокойно и страстно по берлогѣ, какъ нашъ левъ¹⁾ по свѣту; если бы бѣдность не замѣняла въ немъ ума, я сказалъ бы, что онъ болѣе птичей, чѣмъ львиной природы. Однимъ я доволенъ, что, не повѣривъ словамъ, онъ сдался доказательствамъ факта и его каменный мозгъ нѣсколько смягчился силой опыта. Впрочемъ, я не вѣрю его постоянству, и что бы онъ ни обѣщалъ, не думаю, чтобы при его характерѣ и въ его годы можно было серьезно надѣяться на перемѣну. А теперь послушай и посмѣйся: просить онъ меня, между прочимъ, чтобы я рекомендовалъ его письменно константинопольскому императору, котораго я не знаю ни лично, ни по имени; но онъ желаетъ того, потому и представляетъ себѣ, что онъ также благосклоненъ и милостивъ ко мнѣ, какъ римскій императоръ; точно сходство титула отождествляетъ ихъ, или потому, что греки называютъ Константинополь вторымъ Римомъ, осмыливаясь считать его не только равнымъ древнему, но и превосходящимъ его по народонаселенію и богатству. Если бы это было и такъ, чтѣ я отрицаю (да простить мнѣ Созоменъ), то нѣть столь безсмысленнаго грека, который позволилъ бы себѣ счастье ихъ равными по отношенію къ ихъ дѣятелямъ, военной славѣ и доблестямъ.

Подъ конецъ, дабы не безъ пользы прошла моя болтовня о вѣтренномъ пріятелѣ, я попрошу у тебя одной услуги: пришли мнѣ, какъ можно скорѣе, хотя бы переписанное твоей рукой, то мѣсто Одиссеи, переведенной нашимъ пріятелемъ по твоему со-вѣту, гдѣ поэтъ описываетъ схожденіе Улисса въ адъ и мѣстности въ преддверіи Эреба. Пока сдѣтай это, и тотчасъ-же, ибо

1) Игра словами: leo и Leontius.

мнѣ это крайне нужно, впослѣдствіи же постарайся устроить такъ, чтобы всѣ произведенія Гомера явились въ латинской одеждѣ, (переписанныя) на мой счетъ¹⁾, въ моей библіотекѣ, уже давно владѣющей ихъ греческимъ оригиналомъ. Знаю, что возлагаю тяжелую ношу на твои плечи, обремененный своею собственной; но у меня нужда, а я разсчитываю на тебя.

Въ письмѣ къ Боккаччо отъ 10-го декабря 1364-го года²⁾ Петрарка прибавляетъ въ концѣ, что не намѣренъ вызывать къ себѣ Леонтия, тѣмъ болѣе, что и его другъ того же мнѣнія: пусть поплачется тамъ, куда повело его нахальство. Ежели въ тщеславіи, неприличномъ во всякомъ положеніи, тѣмъ болѣе при его бѣдности, онъ презирая прелести Флоренціи, пусть повздыхаетъ въ своей нищенствующей Византіи; онъ отвернулся надменно отъ прекрасныхъ долинъ Италии, теперь погнется до старости въ гемонійскихъ лѣсахъ и будетъ пищей греческимъ червямъ, если не предпочтетъ вернуться туда, гдѣ я знаю, коли не знаешь, ты, онъ прожилъ долгое время — привратникомъ критскаго лабиринта. А онъ быль бы намъ не бесполезенъ въ нашихъ занятіяхъ, не будь онъ столь звѣриныхъ нравовъ и странныхъ обычаевъ³⁾, которые я объясняю прирожденной грубостью или желаніемъ, какое встрѣчалось у многихъ, прослыть и сдѣлаться знаменитымъ именно своею странностью. Пусть себѣ проваливается съ своими привычками, своей бородой, плащемъ и голодомъ.

Еще до отѣзда Петрарки въ Павію лѣтомъ 1365-го года Боккаччо выслалъ ему въ Венецію отрывокъ перевода; между тѣмъ 20-го августа самъ онъ выѣхалъ въ Авіньонъ посланикомъ флорентійской коммуны; 4-го ноября онъ быль уже на обратномъ пути, черезъ Геную во Флоренцію, откуда писалъ

1) *Tuo studio, mea impensa.*

2) *Sen. V, 8;* сл. Fracassetti, *Lettere v. IV*, p. 98.

3) *Si tam homo esset nec se belluam asperitate insigni et novitatis studio effecisset.*

Петраркѣ; тотъ отвѣтилъ ему письмомъ изъ Павіи отъ 14-го декабря 1365-го года¹), ласково упрекая, что онъ не завернуль къ нему; было вѣдь такъ близко, такъ хорошо было бы повидаться!

Въ заключеніи письма снова вопросъ о переводѣ Гомера: Петрарка благодарить Боккаччо за доставленіе требуемой выписки, и ему совѣстно, что его другъ положилъ на нее много лишняго труда. Мнѣ интересно было узнать не то, что дѣлается въ аду у грековъ, достаточно и того, что дѣлается у латинянъ (далъ-бы Богъ, чтобы мы узнали о томъ изъ описанія, а не собственнымъ опытомъ, шутить Петрарка), а разбирало любопытство, какимъ образомъ Гомеръ, рожденный въ Греціи или Азіи, и, что еще чудаѣе, слѣпой, описалъ пустынныя мѣстности Италии, Эолію, Авернское озеро и Цирцейскую гору. Но все это я надѣюсь найти въ полномъ твореніи, которое ты обѣщаешь мнѣ выслать; только я недоумѣваю: ты послалъ мнѣ всю Иліаду, а Одиссеи, гдѣ и находится искомое, только часть; или у тебя самаго нѣтъ ея всей? Впрочемъ, когда вернусь домой, посмотрю, въ чемъ дѣло, велю списать твою рукопись, дабы не лишить тебя такого сокровища, а на Донато (девіи Альбанцані) сержусь: пишеть мнѣ о всякомъ пустякѣ, а ничего не писалъ о томъ, что для меня крайне важно, какъ само по себѣ, такъ и по отношенію къ посылавшему.

Письмо это Петрарка отправилъ вмѣстѣ съ предыдущимъ и третьимъ, еще болѣе запоздалымъ²). Таковы были условія письменного общенія: писали съ оказіей, письма залеживались — и зачитывались по дорогѣ. Такъ случилось и на этотъ разъ: какой-то дурень выпросилъ у Петрарки для прочтенія именно его три письма къ Боккаччо, зачиталъ и отдалъ лишь тогда, когда Петрарка на него накричалъ, но вернулъ истрапанныя и испачканыя. Петрарка направилъ ихъ къ Донату, для до-

1) Sen. V, 1.

2) Sen. V, 8: 10 декабря 1365 г. и Sen. V, 2, 28-го августа, вѣроятно, 1864 года.

ставленія Боккаччо, 1-го сентября 1366-го года¹⁾). Когда онъ получилъ ихъ, бѣднаго Леонтия, можетъ быть, уже не было въ живыхъ. Надѣюсь, до тебя дошли три длиннѣйшія посланія, писанныя въ разное время, но посланныя вмѣстѣ въ прошломъ году изъ Павіи, пишетъ Петрарка къ Боккаччо 25-го января 1367-го года²⁾). Въ Венецію я прибылъ поздно ночью, а на другой день пришелъ напрь Донато, и мы бесѣдовали съ нимъ одинъ на одинъ, съ чувствомъ той близкости, которую усиливается разлука. Говорили обо всемъ, разумѣется, всего болѣе о тебѣ и о Гомерѣ, о которомъ ты пишешь, что послалъ его мнѣ; но я его не получалъ; справься, чтѣ съ нимъсталось. Это приводитъ мнѣ на память того, благодаря которому Гомеръ явился у насъ по латыни. Бѣдный, несчастный Леонтій! Въ былое время онъ поднималъ во мнѣ желчь, теперь жалость позволяетъ мнѣ говорить о немъ безъ горечи. По своему, онъ былъ къ памъ привязанъ, хотя онъ такъ бытъ созданъ, что не умѣлъ любить ни другихъ, ни себя; родился онъ при несчастныхъ предзначенніяхъ, скончался при еще болѣе несчастныхъ, не испытавъ ни одного свѣтлаго дня. Припоминая его теперь, я дивлюсь, какъ въ такую печальную, мрачную душу могъ заглянуть лучъ поэзіи и небесной гармоніи. Онъ постоянно просилъ меня привезть его, каясь въ своихъ заблужденіяхъ, чтѣ смиряеть всякий гнѣвъ; но я зналъ его непостоянство, зналъ, что въ извѣстные годы люди трудно менятся, опирался наконецъ на твое мнѣніе (которому я всегда желалъ бы слѣдовать, ибо въ тебѣ два драгоценныхъ свойства совѣтодателя: умъ и честность) — и не отвѣчалъ ему. А его тянуло къ намъ, онъ устыдился своего несправедливаго сужденія объ Италии, и разсчитывая на наши нравы, сообразилъ, что если бы онъ явился ко мнѣ и незваный, я бы его не прогналъ. И вотъ, не смотря на непогоду, онъ храбро сѣлъ на корабль и вышелъ въ море изъ Византіи. Приготовься, другъ мой, выслушать нечто ужасное, вставляетъ Петрарка, переходя

1) Sen. V, 4; сл. VI, 1.

2) Sen. VI, 1.

къ реторическому разсказу о бурѣ, застигшей корабль уже въ виду итальянского берега: матросы бросались каждый за своимъ дѣломъ, одинъ Леонтій ухватился за мачту и пораженъ упавшей на нее молніей. Петрарка играетъ по этому поводу двоякимъ значеніемъ слова *malum*¹⁾, удивляется, что одна и та же судьба постигла Капанея, Тулла Гостиля, Кара, — и Леонтия, ученаго, но темнаго человѣка, которому ни разу не улыбнулась судьба, не осѣнило своимъ вѣяніемъ довольство²⁾; вспоминаю теперь, какое облако грусти лежало постоянно на его лицѣ, и думаю, что то было предчувствіе грозившаго ему удара. Его бѣдные пожитки и засаленные книги спаслись; посмотрю я, но найдется ли между ними Евріпидъ, Софокль и другіе, которыхъ онъ обѣщалъ поискать для меня. Тѣло его обрѣло могилу въ морѣ; такъ онъ сталъ жертвой итальянскихъ рыбъ, не греческихъ червей, какъ писалъ я тебѣ въ другомъ письмѣ.

Лишь въ 1367-мъ году Петрарка получилъ полный переводъ Гомера; «это залогъ твоей любви, пишетъ онъ Боккаччо въ концѣ одного письма, посвященнаго вопросамъ личной свободы³⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ печальная память о несчастной судьбѣ его переводчика»; трудъ этотъ исполнилъ довольства и радости не только меня, но и всѣхъ грековъ и латинянъ моей библіотеки.

Переводъ Леонтия сохранился⁴⁾; сохранился и экземпляръ Иліады, принадлежавшій Петраркѣ, списанный и украшенный миніатюрами у него на дому, какъ значится изъ его записи въ концѣ⁵⁾, съ его собственноручными объясненіями и глоссами, относящимися къ послѣднимъ годамъ его жизни. Такимъ же образомъ списывалась для него и Одиссея, но онъ не дожилъ до окончанія труда; его собственноручная помѣтка прекращаются

1) *Malum*, мачта, была Леонтию послѣдней невзгодой, *malum*.

2) *Nec fortunati unquam prospere, nec jucundi.*

3) *Sen. VI, 2; съ. выше стр. 198.*

4) *Hortis, Studi стр. 508, прим. 2, и отрывки, стр. 543 слѣд.*

5) *Domi scriptus, Patavi coepitus, Ticini perfectus, Mediolani illuminatus et ligatus anno 1369.*

*

на 21-й страницѣ, далѣе мѣняется и рука писца. Дечембріо записалъ на первомъ листѣ: «Франческо Петрарка умеръ 23-го іюня 1374-го года, въ то время, какъ глоссировалъ¹⁾ эту книгу; онъ прожилъ такимъ образомъ пять лѣтъ послѣ написанія Иліады²⁾.

Глоссы и замѣтки Петрарки къ гомеровскимъ поэмамъ характеризуютъ его интересъ къ дѣлу, желаніе овладѣть поэзіей Гомера сквозь дословный, иногда непонятный, часто безграмотный переводъ Леонтія, котораго онъ часто зоветъ Leo, какъ и въ письмахъ. Онъ борется съ нимъ самимъ его же оружиемъ, повѣряя переводъ, доставленный Боккаччо, по немногимъ отрывкамъ первого перевода, сдѣланнаго Леонтіемъ для него самого³⁾). Но онъ связанъ плохимъ знаніемъ греческаго языка, хотя и заглядываетъ порою въ оригиналъ⁴⁾; приходится довѣрять Леонтію, когда, съ развязностью невѣжи, который стыдится не отвѣтить на предложенный ему вопросъ, онъ даетъ такое, напримѣръ, объясненіе къ разсказу о Пенелопѣ: будто у древнихъ грековъ быль обычай не свататься за женщину, занятую тканьемъ, дабы не отвлекать ее другими заботами⁵⁾. Только кое-гдѣ онъ отмѣчалъ на поляхъ, что значенія такого-то слова Леонтій не понималъ, не зналъ, либо не умѣлъ перевести⁶⁾, что его толкованіе непонятно текста⁷⁾, что онъ ошибся⁸⁾. Петрарка переносить въ свой экземпляръ глоссы Леонтія, находившіяся въ спискѣ Боккаччо, съ невѣроятными греческими этимологіями, напоминающими соот-

1) *Dum illuminaret.*

2) Hortis, l. c. стр. 507—8, прим. 47; стр. 543; De Nolhac, l. c. стр. 347 слѣд.

3) De Nolhac, l. c. стр. 353—4.

4) De Fluminibus, a. v. Oceanus: говорять иные, что это рѣка на дальнемъ западѣ, ego quidem *inspecta Homeri littera et modo loquendi non credo fluvium*, sed ipsum mare oceanum.

5) De Nolhac, i. c. 356—7, прим. 3.

6) l. c. стр. 354, прим. 7.

7) l. c. стр. 357.

8) l. c. стр. 360.

вѣтствующія въ Генеалогіяхъ боговъ¹⁾), но начинаетъ сомнѣваться, когда Леонтій пускается въ міеологическія и реальныя объясненія, гдѣ другіе, латинскіе источники Петрарки говорили иное. Леонтій утверждалъ, напримѣръ, что Додона — городъ, Петрарка замѣчалъ: не городъ, а лѣсъ²⁾; часть гlosсъ посвящена такимъ археологическимъ, міеологическимъ, литературнымъ дополненіямъ и параллелямъ и аллегоризаціи міеовъ, съ ссылками на Аристотеля, Халцидія, Цицерона, Ливія, Виргилія, Овидія, Бозція и др.³⁾. При склонности Петрарки — и Боккаччо — къ морализаціи прочитанного понятно появленіе этого элемента и въ гlosсахъ; рѣчь Онейроса, принявшаго образъ Нестора, къ Агамемнону, что совѣтодателю мужей не подобаетъ покойиться, вызываетъ восклицаніе: Внемлите этому, цари, преданные сну и чревоугодію!⁴⁾; а въ концѣ Иліады помѣчено: Уразумѣй это, читатель, и помни: дѣло смертныхъ рукъ, начатое въ гнѣвѣ и гордынѣ, кончилось сѣтованіемъ и могилой⁵⁾. Эти скорбныя замѣчанія старѣющагося поэта не мѣшили ему обращать вниманіе на литературную, поэтическую сторону памятника; онъ знаетъ цѣну переводу Леонтія и въ первой же гlosсѣ приводить, въ его извиненіе⁶⁾, извѣстную намъ изъ письма къ Боккаччо цитату Іеронима,—о непоэтичности прозаичнаго, дословнаго перевода⁷⁾. Большая часть его примѣчаній носить стилистической характеръ: неуклюжая фразеологія Леонтія ему противна, онъ предлагаетъ

1) De Nolhac, стр. 365: elicopida: eli — traho и copos, oculus и Gen. Deor. X, 16: Cyclops отъ ciclus и copis, oculus. Сл. Eustathii Comm 56, 41 слѣд.: ἐλίκωπες.... οἱ τὰς κώπας ἐλίσσοντες, ἡγουν ναυτικοὶ.... χούρη δὲ ἡ ἐλίκωπις.... τοὺς ἑραστὰς ἐφελκομένη.... η̄ καὶ ἡ μελανόφθαλμος.... διὰ τὸ ἐλίκον, δ ἐστι μέλανδρς ἔχειν τοὺς ὄπας. Сл. ibid. 120, 89; 206, 22. См. еще De Nolhac, стр. 49: этимология Hercules = Gen. Deor. XIII, 1, съ именемъ Леонтія и др.

2) De Nolhac, стр. 357.

3) I. c. стр. 368 слѣд.

4) I. c. стр. 361—2.

5) I. c. стр. 368.

6) Pro excusatione Leonis nostri qualis interpretis I. c. стр. 358.

7) Сл. выше стр. 354—5.

въ замѣну болѣе литературныя выраженія, но къ изученію гомеровской поэтики онъ приступаетъ съ реторическими схемами, которыя выражаются такими же глоссами на поляхъ, какими онъ нерѣдко сопровождалъ латинскіе тексты: разсказъ, сравненіе, рѣчь, вопрошеніе, отвѣтъ и т. д.¹⁾). Какъ красоты цицероновской фразы вызывали его эстетическія замѣчанія²⁾), такъ извѣстное сравненіе людской судьбы съ листьями приводить его въ восторгъ: изящное изреченіе! замѣчаетъ онъ³⁾), но въ гомеровской стиле онъ не вжился: рѣчь Нестора въ концѣ XI-й пѣсни Иліады кажется ему слишкомъ пространною: болтливый, какъ старики, Несторъ начинаетъ длинный, довольно запутанный разсказъ, едва ли соотвѣтствующій моменту⁴⁾). Что Петрарка вынесъ изъ Гомера, ссылки на которого учащаются въ его послѣднихъ произведеніяхъ,— это обновленный интересъ къ миѳамъ и героямъ, о которыхъ говорили его любимые латинскіе поэты.

Такъ съ почина Петрарки началось въ Италии то, что можно было назвать гомеровскимъ вопросомъ XIV вѣка; Боккаччо былъ въ немъ главнымъ дѣятелемъ и исполнителемъ. Вопросъ этотъ создало сплетеніе обстоятельствъ, въ которыхъ случайность играла, пожалуй, большую роль, чѣмъ естественный спросъ гуманистической эволюціи. Случайно затерялся въ 1359 году, по дорогѣ между Венеціею и Авиньономъ, неотесанный грекъ, калабріецъ или солунянинъ; какъ разъ въ 1359 году Боккаччо закончилъ вчернѣ, судя по посвященію королю Гуго, свой Генеалогіи боговъ; Леонтій сулилъ ему Гомера, и Боккаччо и Петрарка восхитились пришлецомъ. Впослѣдствіи его поняли; его характеристика у Петрарки принадлежитъ къ самымъ удачнымъ въ смыслѣ психологического пониманія типа, но попытка

1) *Narratio, comparatio, oratio, interrogatio, brevis imprecatio*, De Nolhac, I. с. стр. 355, прим. 2.

2) *Elegantissime, proprio, festive* и т. д.

3) *Elegantissima sententia*, I. с. стр. 98, прим. 4.

4) I. с. стр. 358.

идеализовать вѣчно печальное настроеніе Леонтия не отрицаешь впечатлѣнія, что знаніе не соединялось въ немъ ни съ добродѣтелью, ни съ мудростью. Это впечатлѣніе можно, кажется, обобщить, не противорѣча Петракѣ: доблѣсть и мудрость на сторонѣ латинянъ, не грековъ, кичащихся своимъ культурнымъ превосходствомъ, ставящихъ Византію выше Рима, тогда какъ ихъ современное невѣжество извѣстно всему миру¹⁾). Такова точка зрењія первыхъ гуманистовъ: Гомеръ, во вдоворенный къ итальянскимъ музамъ, греческая древность, но объясняющая свою, национальную, стоящую гораздо выше ея²⁾)—вотъ что ихъ интересуетъ. Если Петракаувѣряетъ Гомера, что не решаетъ въ вопросѣ о преимуществѣ между нимъ и Виргиліемъ, то это любезность по адресу старшаго; характерна самая нерѣшительность, и она осталась, вѣроятно, и послѣ того, какъ Гомеръ былъ прочтенъ вполнѣ; во всякомъ случаѣ Виргилій не ниже Гомера³⁾). Это освѣщаетъ для насъ значеніе гомеровскаго вопроса въ XIV вѣкѣ и должно предупредить противъ крайнихъ опѣнокъ, когда дѣло идетъ о роли Боккаччо въ исторіи новѣйшаго эллинизма. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ, можетъ быть, самый серьезный изъ всѣхъ, отдавшихся изученію греческаго языка; увлеченіе новизной сказывалось порой ребячливо: прежде онъ цитовалъ греческія слова, теперь приводить въ оригиналѣ стихи изъ Иліады⁴⁾ и Одиссеи⁵⁾; этого большинство его читателей не понимало, и надѣяться трунили, но онъ защищался и действовалъ примѣромъ и пропагандой: публичныя чтенія Леонтия начались, вѣроятно, уже въ 1359-мъ году. Самосознаніе Боккаччо, какъ первого обновителя греческихъ штудій въ Италии, поддерживается въ слѣдующемъ поколѣніи свидѣтельствомъ Манетти⁶⁾, раннимъ развитиемъ

1) Sen. V, 6 1367 г.

2) Sen. XII, 2; Fam. I, 8.

3) Gen. Deor. XIV, 19: *ingenio non minor Homero.*

4) Gen. Deor. III, 22=Il. XIV, 214 слѣд.; Gen. Deor. IV, 18=Il. I, 402 слѣд.

5) Gen. Deor. IV, 41; съ. I, 7: стихи, приписанные Орфею.

6) Vita di G. B., стр. 91.

алливизма именно во Флоренції, но пока спрось отъ греческой древности былъ чисто вѣшнимъ. Гомеръ не обновилъ Генеалогій, а лишь обогатилъ ее новыми фактами, свидѣтельствомъ древности, которой не всегда отдается предпочтение. Ссылки на Гомера, цитаты и перифразы встречаются въ Генеалогіяхъ въ цѣломъ рядѣ главъ¹⁾; иные ограничиваются свѣдѣніемъ съ указаніемъ на Гомера: онѣ, очевидно, принадлежать послѣдней редакціи, по-леонтьевской. Такъ въ V, 34 читаемъ: Калать быль сынь Юпитера и Антіопы, какъ говорить Гомеръ въ Одиссеѣ; о немъ я ничего не узналь, кромѣ имени и т. п. Но другія главы были уже составлены по латинскимъ памятникамъ, Теодовцію и Паоло, и гомеровская цитата пристраивалась, какъ могла, нерѣдко за поздними свидѣтельствами, либо въ такомъ, напримѣръ, видѣ: Гомеръ въ Иліадѣ и поэтъ Сенека въ трагедіи Troas говорять и т. д.²⁾; Гораций разсказываетъ то-то, что подтверждается въ Одиссеей³⁾ и т. п. Боккаччо видимо провѣрялъ ссылки на Гомера, встрѣчавшіяся въ источникахъ, путая его текстъ съ показаніями сколаистовъ, очевидно, по сообщеніямъ Леонтія, и удивляясь, что не могъ провѣрить цитату изъ Гомера у Сервія⁴⁾, тогда какъ, напримѣръ, Паоло приводить свидѣтельство Гомера, не указывая на книгу⁵⁾; къ ясному пониманію соотношеній греческой и латинской традиціи это не привело. Указывается на зависимость Виргилія отъ Гомера⁶⁾, но, напримѣръ, въ описаніи

1) Сл. I, 8; II, 15, 17, 30, 37; III, 22; IV, 4, 6, 14, 18, 41, 58; V, 8, 30 (bis), 31, 33, 34, 48, 44; VI, 5, 6, 9, 12, 18, 14 (ter), 16, 18, 20, 22, 24, 25, 30, 31, 33, 35—39, 41, 44, 45, 51, 52 (bis), 58; VII, 1—8, 9, 11, 14, 18—20, 45, 46, 52—54, 68, 64; VIII, 4, 8, 16; IX, 1—8, 10, 11, 19, 21, 22, 34; X, 1, 9, 14, 15, 17—23, 32, 35—37, 39, 41, 43, 44, 47, 58, 61; XI, 8, 14, 19, 21, 31—34, 39, 40; XII, 2, 12, 14, 15, 17, 33, 34, 43, 45, 48, 49, 51, 63, 70, 71; XIII, 1, 2, 11—18, 16, 20, 34, 35, 38, 39, 41—45, 47, 53, 56—62.

2) VI, 25.

3) XI, 19.

4) VI, 39.

5) VI, 45.

6) X, 1.

внѣшности Спиллы¹⁾ ихъ показанія просто сопоставлены; либо противорѣчія Гомера разрѣшаются ссылкой на Лукана²⁾: Гомеръ называетъ Ксанеа сыномъ Зевса, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о рѣкахъ, какъ о дѣтяхъ Океана; но у Лукана Ксанеъ является потокомъ, а потоки питаются болѣе дождевой, чѣмъ почвенной влагой, вотъ почему Ксанеъ и названъ сыномъ Зевса, то-есть воздуха, изъ которого рождаются дожди! Въ иныхъ случаяхъ латинскому преданию просто отдается перевѣсь, безъ объясненія: Геба, говоритъ Теодонцій, была дочерью Юноны безъ участія отца, съ чѣмъ согласны всѣ латинскіе поэты, и хотя Гомеръ въ Одиссѣѣ утверждаетъ, что она зачата отъ Зевса, я не внесъ ее въ родословную³⁾. Или: Агамемнонъ былъ сынъ Пліссеона, мальчикомъ оставшійся у Атрея; былъ онъ царемъ Микенъ и наслѣдникомъ Тіеста, какъ говоритъ Гомеръ по поводу скипетра Агамемнона⁴⁾; но такъ какъ въ стихахъ не соблюденъ порядокъ генеалогіи, я приведу ее, слѣдуя латинскимъ авторамъ⁵⁾.

Ясно, что латинскіе авторы, скорѣе, готовыя генеалогіи Теодонція и другихъ связывали своею цѣльностью, выработалась уже и своя система интерпретаціи (почему, напримѣръ, Геба — дочь одной Юноны), и Гомеръ не въ силахъ быть ее нарушить. Въ переводѣ Леонтія онъ и не могъ увлечь своей поэзіей; Петрарка угадывалъ ее между строками, или же обманывалъ себя; для Боккаччо это былъ сборникъ свѣдѣній, драгоценныхъ, но часто сбивчивыхъ и неточныхъ, ибо его учитель, цитовавшій Лиофрону и Ферекида, часто не понималъ гомеровскаго текста или не умѣлъ его передать при плохомъ знаніи латинскаго языка. Боккаччо спрашивалъ его о значеніи διάκτορος ἀργιφόντης, онъ наивно переводилъ: *diactoro argifonte*; μερόπων ἀνθρώπον=шегорум hominum; если взять въ разсчетъ его этимологіи въ гlos-

1) X, 9.

2) XI, 14.

3) IX, 2.

4) Приводится пересказъ II. II, ст. 100 слѣд.

5) XII, 15.

*

сахъ Петrarки и Генеалогіяхъ¹⁾), станутъ понятны у Боккаччо и смѣшеніе гомеровской "Атѣ съ Litigium²⁾", и дословный переводъ въ VII, 1: *θεῶν γένεσιν* = deorum nationem (объ Океанѣ, родоначальникѣ боговъ). Боккаччо вѣрилъ всему этому безусловно; его собственное знаніе языка были слишкомъ недостаточно, чтобы ему самому стать судьей «ученаго грека»; но когда дѣло шло о его толкованіяхъ миѳа, нерѣдко рѣшительныхъ въ своей голословности³⁾, о неисчерпаемыхъ рассказняхъ Леонтия, которыя приходилось записывать въ тетрадяхъ⁴⁾, Боккаччо, подобно Петrarкѣ, чувствовалъ почву подъ ногами: здѣсь онъ начитанъ, и его опытность, какъ толкователя, даетъ ему право на критерій. Онъ вносить въ свой трудъ разсказы, объясненія, этимологіи Леонтия⁵⁾, но часто выражаетъ свое несогласіе съ

1) I, 4; II, 12; VII, 41; IX, 1; XIII, 1.

2) I, 3.

3) V, 48: *paucis absolutit.*

4) XV, 6; сл. II, 2: *graecus homo et talium abundantissimus.*

5) I, 4, 13; II, 2 (сл. V, 1), 3, 4, 7, 8, 9, 11, 12, 31, 36, 65; III, 20; IV, 14, 18, 19, 42, 46, 59, 66, 67; V, 1, 12, 16, 24, 33, 41, 44, 48, 50, 51; VI, 4, 7, 24, 53; VII, 3, 6, 16, 18, 20, 22, 36, 40, 41, 55; VIII, 4 (сл. Com. II, 48 слѣд.), 9, 13, 16; IX, 1; X, 3, 4, 9, 32, 33, 44, 53, 61; XI, 7, 11, 40; XII, 10—12, 17, 43, 52 (Com. I, 467—468); XIII, 1, 15, 16, 31—3, 54; XIV, 8 (Com. I, 394); XV, 6, 7. Сл. въ Соп. I, 319 слѣд., со словъ Леонтия, біографію Гомера по Каллимаху, съ тѣми-же перечнями городовъ, что и въ Генеалогіяхъ и толкованіяхъ на Бож. Ком. (сл. выше стр. 306, прим. 1). Грамматику Каллиструту приписываютъ критическая работы по Гомеровскому тексту и *Σύμπαντα*, въ которыхъ сообщались, между прочимъ, разныя черты изъ біографій древнихъ поэтовъ (сл. *Susemihl*, *Gesch. d. griech. Literatur in der Alexandrinerzeit*, I, 449—450). Въ разночтеніяхъ къ тексту Таціана и въ выпискѣ изъ него у Евсевія вмѣсто Каллистрата стоитъ Каллимахъ. Не это-ли Каллимахъ Леонтия? Разумѣется, Боккаччо могъ обработать его данные при помощи другихъ источниковъ; многое у него напоминаетъ стиль средневѣковыхъ *Vitae philosophorum*, приписанныхъ, между прочимъ, и королю Роберту. Изъ Гомеровыхъ біографій у *Westermann'a* (*Vitariam scriptores graeci minores*) одна (*Πρόχλοι περὶ Ὄμηρου*) объясняетъ загадочное свѣдѣніе у Боккаччо: объ одномъ трудѣ Гомера, *chiamato Egam* (*Westermann* l. c. 27: *Αἴγα*); другая (стр. 45) пріурочивается, согласно съ Боккаччо, къ кончинѣ Гомера старый анекдотъ-загадку о ловцахъ, не поймавшихъ, что ловили (рыбу), и словившихъ, чего не искали (нечисть). Сл. ту-же легенду у Тцетца, *Chil.* XIII, v. 651 слѣд. и *Promoemium in Iliadem* v. 115 слѣд. Она рассказана, съ нѣсколько инымъ окончаніемъ, и въ Боккаччевомъ Теренціи (см. выше стр. 97).

нимъ¹⁾, колеблется²⁾; миө о заговорѣ боговъ, задумавшихъ наложить цѣпи на спящаго Зевса, котораго предупредила о томъ Фетида, этотъ миө Леонтій толковалъ хаотической борьбой высшихъ и низшихъ стихій, замиренной — влагой; и многое другое онъ еще говорилъ, достойное болѣе смѣха, чѣмъ памятованія³⁾.

Приведенное толкованіе Леонтія не даетъ полнаго понятія о его пониманіи миөа. Въ большинствѣ случаевъ онъ евгемеристъ: первый Юпитеръ, напримѣръ, былъ благородный мужъ изъ Аркадіи, по имени Лизанія, и лишь асінняне, которыхъ онъ научилъ законамъ и нравамъ, сдѣлали его царемъ и прозвали богомъ Зевсомъ⁴⁾. Но Леонтій допускаетъ и натуралистическую экзегезу⁵⁾, являясь рационалистомъ⁶⁾ и морализуя по поводу миөа о нимфѣ Мерантѣ⁷⁾. У него есть особый разсказъ о Сциллѣ⁸⁾, о смерти Улісса⁹⁾ и, по Ликофону, о невѣрности Пенелопы; но здѣсь Боккаччо протестуетъ, какъ протестовалъ въ *De Claris Mulieribus*: не повѣрю я тому, кто запятнаетъ честь Пенелопы, прославленную столькими и столь достойными писателями, что-бы ни засловилъ Ликофонъ¹⁰⁾.

Сообщенія Леонтія и откровенія Гомера были послѣдними вкладами въ Генеалогіи боговъ. Ихъ системы они не измѣнили: ученость Леонтія не выходила за уровень Теодонція, Паоло, Варлаама, гомеровскіе факты укладывались въ готовую работу. Намъ остается оцѣнить ея критическіе пріемы.

1) VI, 58; XII, 17; XIII, 81.

2) II, 9, 11; V, 1.

3) IV, 18: *plura ridenda potius quam scribenda*. Сл. II, 20: *quoniam frivola visa sunt, cis omissis* (т. е. толкованія Леонтія) Barlaae relatum apponere libuit.

4) II, 2; V, 1.

5) XI, 7.

6) VI, 7: обѣ антигонѣ.

7) II, 31.

8) X, 9.

9) XI, 40.

10) V, 44; сл. X, 59; XII, 69. Сл. Eustath. Comm. 1436 и выше стр. 219.